

С.С.Подъяпольский
(Москва)

О ФЕРАПОНТОВЕ

Судьба связала меня с Ферапонтовым на долгие годы. Хотя работать мне приходилось в основном в Кириллово, все, что делалось в Ферапонтове, с большей или меньшей полнотой прошло у меня перед глазами. Впервые я приехал сюда еще студентом в 1949 году, а с 1953 года бываю в этом удивительном месте ежегодно. Вспоминая сейчас все, что связано для меня с Ферапонтовым, прежде всего чувствую необходимость отдать должное тем прекрасным людям, которые внесли лепту в сохранение замечательных сокровищ русского искусства и которых среди нас уже нет.

Естественно, при этом сразу же возникает образ Валентина Ивановича Вьюшина, отдавшего Ферапонтову всю свою жизнь. Во время моего первого приезда он был в монастыре еще почти новиком, хотя как уроженец этих мест знал его с детства. Офицер, инвалид войны, на первый взгляд немного сухонатый, а в действительности удивительно добрый и душевный человек, он прилепился к монастырю и к "служению Дионисию" всем сердцем, хотя древнерусское искусство тогда было еще отнюдь не популярно, и приезжали сюда считающиеся единицы специалистов или людей высокой культуры. Отношение Валентина Ивановича к Ферапонтову было именно служением. Он числился здесь то сторожем, то дворником, то хранителем, временами — никем, так как содержание при монастыре штатной единицы служителя часто казалось кому-то наверху непозволительной роскошью. Получая грошовый склад или вообще не получая ни копейки, он добросовестно следил за порядком и сохранностью памятников, встречал приезжих, помогал им устраиваться, давал пояснения. Не обладая никаким специаль-

ным образованием, Валентин Иванович приобрел весьма недурные сведения об истории монастыря, его памятниках, и многим довелось познакомиться с ним не только как с заботливым хранителем, но и как со знающим и любящим экскурсоводом. С образованием Музея фресок Дионисия Валентин Иванович оставался на своем посту и прожил вместе с памятником, живя его заботами, радуясь его радостями и печальась его горестями, всю свою жизнь. Он был исключительно добросовестным тружеником, но вместе с тем и гораздо более этого: он во многом способствовал созданию той совершенно особой атмосферы Ферапонтова, которую не мог не ощутить каждый приезжий, стремящийся познакомиться с замечательными сокровищами древнерусского искусства.

Вслед за Валентином Ивановичем, имя которого в Ферапонтове хорошо знают, вспоминаю Андрея Константиновича Вёдрова, занимавшего в самые трудные 50-е и отчасти 60-е годы тяжелый пост инспектора по охране памятников Вологодской области. Что означала эта должность в те годы, можно охарактеризовать словами Проспера Мериме, одного из первых деятелей охраны памятников во Франции: "Ремесло генерального инспектора исторических памятников — быть гласом вопиющего в пустыне". Мне пришлось повидать немало инспекторов, среди них бывали и хорошие и плохие, и знающие и невежественные люди, но мне трудно вспомнить среди них кого-либо, обладавшего такой же высокой и тонкой культурой, такой же беззаветной преданностью делу. Приспобрегая возрастом, болезнями, всевозможными трудностями тех лет (сколько раз ему приходилось пробираться из Кириллова в Ферапонтов не только на попутках, но и пешком!), он окружил ферапонтовские памятники особо неусыпным надзором. Его энергии, настойчивости и глубокому пониманию своих задач обязаны мы тем, что монастырь всегда надежно охранялся, кровли ремонтировались (пусть не всегда так быстро, как хотелось бы, но и то, что сделано, было для своего времени чудом), привлекались реставраторы живописи, одним словом обязаны мы тем, что росписи Дионисия все еще существуют. Человек безукоризненно воспитанный, скромный, сдержанный, самоотверженный, прекрасный художник, интереснейший собеседник, Андрей Константинович был носителем лучших традиций русской интеллигенции. Дом Андрея Константиновича в Вологде, а вернее небольшая комната в общей квартире,

стены которой были увешаны поэтическими этюдами северной архитектуры и северной природы, был истинным оазисом культуры в тогдашней Вологде. Москвичи и ленинградцы, приезжавшие в Вологду по делам, связанным с охраной и изучением художественных сокровищ Вологодского края, высоко ценили сердечное гостеприимство Андрея Константиновича и Маргариты Васильевны Вёдровых, а многие сохраняли с ними дружбу на многие годы. Памятникам Ферапонтова монастыря повезло, что их судьба оказалась именно в таких руках.

Практически почти ничего не успел сделать для Ферапонтовских памятников замечательный архитектор-реставратор Владимир Сергеевич Баниге, один из немногих, обладавших столь же высокой и органичной духовной культурой. Его жизненный подвиг связан с работами по памятникам иных мест — Ростова, Вологды, и внимание к Ферапонтову ему пришлось проявить лишь в самые последние годы жизни. И все же, ожидая перед собой "галерею ушедших", связанную с Ферапонтовым, не могу не вспомнить и его.

Наконец, несколько слов о реставраторах живописи, работавших в Ферапонтове. По инициативе А.К.Вёдрова в конце 1950-х годов для консервации росписей Никольского придела Рождественского собора была приглашена группа опытных художников-реставраторов во главе с Василием Осиповичем Кириковым. Среди участников этой работы особенно живо в памяти лицо Сергея Сергеевича Чуракова, человека с необыкновенно лучающимися и юношескими глазами и седой бородой, своего рода "доброго деда Мороза". Этот прекрасный, одухотворенный и добрый человек был и одним из первых исследователей кирилловских фресок, о которых написал оставшуюся неизданной, но известную специалистам работу, теперь уже, конечно, в чем-то устаревшую, но оказавшую важное влияние на возрождение интереса к северным памятникам живописи. С ними вместе по расчистке и укреплению фресок Никольского придела работал Виктор Евгеньевич Брягин, старший из братьев, получивших широкую известность в среде реставраторов древнерусской живописи. Виктор Евгеньевич был и наиболее опытным из них, наиболее авторитетным, к его мнению всегда прислушивались. Всех этих людей теперь уже нет в живых. Из участников работы сейчас осталась только сестра Виктора Евгеньевича Ирина

Евгеньевна Брягина.

Сожалею, что мне не пришлось быть знакомым с другими замечательными людьми, без которых вряд ли существовали бы сейчас и Ферапонтов монастырь и фрески Дионисия. Они работали здесь еще до войны, их я уже не застал. Но я привык воспринимать имена Владимира Васильевича Данилова, Павла Ивановича Ккина и других как непосредственных предшественников моего поколения, чей труд должен служить для нас образцом. Все эти люди заслужили, чтобы их имена на Ферапонтовской земле никогда не были забыты.

1.УП.1966--13.IV.1967

И. В. Гусев
(Москва)

О ВАЛЕНТИНЕ ИВАНОВИЧЕ ВЬШИНЕ

Валентин Иванович Вьшин более тридцати лет был хранителем знаменитых фресок Дионисия в Ферапонтовом монастыре.

В те времена, как, впрочем, кое-где и теперь в отдаленных местах, где есть древние росписи, в храмах ~~нашлись~~ хранители. Он держал ключи и имел соответствующие обязанности. Это всегда были пожилые люди и, главное, далекие в своих интересах от того, что хранят. Я почти никого из них не удержал в памяти. Разные что запомнил злых и ворчливых. Они мешали толком рассмотреть росписи, и помню, как непросто было решиться поехать еще раз в такие неприветливые места.

Совсем иначе сложилось в Ферапонтове. Там и до войны хранили фрески достойные люди, а с 1948 года в этой должности определялся Валентин Иванович Вьшин, местный житель, инвалид войны. Можно считать, молодой человек. Ему было тогда 26 лет. Опыт военной профессии, приучившей его ответственно относиться к делу, при новой должности проявился в особой заботе за сохранность росписей Дионисия.

В те далекие годы Валентин Иванович почти самостоятельно доходил до осознания того, что хранит он художественные ценности под стать самому великому в мире. Для него, местного жителя, было совсем непросто увидеть значительное в привычном и доступном с детства. Помогло общение с приезжавшими в монастырь, особенно, по его словам, с художником Н. М. Чернышевым.

Таким образом, с начала 50-х годов он стал тем особенным хранителем, которого вскоре будет знать пол-Москвы, и привычно

станет для всех, что ехать в Феропонтово значит ехать к Валентину Ивановичу. По существу, так оно и было. Он всех радушно принимал, не имел ни к кому предубежденного отношения, разве что к девицам в шортах, им в собор заходить не полагалось. Не упускал из вида людей случайных, тем более, что вход был свободный, без билетов. За все годы его хранения не было ущерба росписям, даже малого.

Сам он, жена его Анастасия Ивановна и дочь их Зина днем и ночью охраняли Рождественский собор, который, по-существу, стоял как в поле. Это теперь монастырскую ограду всю восстановили, фонари, как прожекторы, территорию по ночам освещают, и милиция дежурит в три смены.

Забот и работы у Валентина Ивановича было много. Кроме соблюдения режима хранения росписей, требовалось содержать в должном порядке монастырский двор, три церкви, паперть и собор. Не все теперь представляют, что это за труд вымыть полы на пятистах квадратных метрах. А самоотверженная семья Валентина Ивановича несла эти заботы. Они жили сначала в маленькой неудобной келье. Потом в своем светлом гостеприимном доме.

Валентин Иванович помнил всех, побывавших в Феропонтове, даже мимоходом. Я не раз наблюдал, как удивлялись этому приезжие вновь через много лет. Постоянных посетителей, а таких было немало, он принимал как родных. Сначала ездило людей немного. Условия жизни, как все помнят, были другие и добраться было сложнее, чем теперь. Когда я впервые собрался в Феропонтово, в 1955 году, из Вологды в Кириллов ходили только грузовые машины с брезентовым верхом и досками для сиденья поперек кузова. По плохой дороге путь был долгий и трудный, но легче, чем до войны. Тогда зимой ходили пешком или добирались на телеге. В летние месяцы можно было приплыть из Вологды в Кириллов на пароме почти за сутки, потому что останавливался он у каждой пристани надолго: разгружали бочки и ящики для местного сельска. Из Кириллова мы пошли в Феропонтово пешком. Нагружены были основательно, художники налегке не ходят. Однако нас все же подвезла с пол-пути почтовая машина. Я ехал в кузове. Рядом брезентовые мешки с почтой, а при них охрана — девица с большим пистолетом на поясе. Феропонтов монастырь выглядел не совсем так, как теперь. Давно не беленные стены,

старые кровли на шатрах. Много берез перед собором на монастырском дворе и дом игуменьи рядом с надвратной церковью.

Я встретил Валентина Ивановича около кельи, в которой он жил. Помню, обратил внимание на его выразительное худощавое лицо и спокойный внимательный взгляд. Тогда я не мог предположить, что нам много лет предстоит работать вместе при его доброй поддержке. Он к художникам относился с особым вниманием, а сам был прирожденным хранителем. С гордостью говорил, что хранит Дионисия один, а скло Сикстинской Мадонны был штат охраны и специалистов.

В своем добром старании приобщить людей к великому искусству Валентин Иванович тонко чувствовал, что вскоре настанут трудные времена, переменятся к худшему условия внешней среды. Ферапонтовским фрескам потребуются многолетняя реставрация, которая предельно ограничит посещаемость. Заслуга Валентина Ивановича в том, что он сохранил росписи Дионисия, и поистине счастливы все, кто имел возможность посещать Ферапонтов в те времена.

1986 г.

М.Ф. Антонов
(Москва)

ЧЕЛОВЕК ДОЛГА

Осенью семидесят первого года я впервые приехал в Феррапонтово. В те годы, кажется, даже летом музей в Феррапонтове не знал особого наплыва посетителей, а осенью их было и вовсе мало. Когда я вошел во двор бывшего монастыря, у входа в Рождественский собор сидел единственный мужчина лет сорока пяти, как я понял, кассир музея. Я подошел к нему и подал рублевую бумажку. Он молча стергал один билет, отсчитал сдачу и так же без единого слова показал на входную дверь.

Я поднялся по лестнице на паперть и долго, как зачарованный, смотрел на всемирно известную порталную фреску. Никто мне не мешал, не торопил, не подсказывал, и это позволяло особенно глубоко прочувствовать красоту и величие дивного творения человеческого гения.

Потом я вошел внутрь храма, где также не было ни души, и, неспешно переходя от одной композиции к другой, любовался красотой росписи, напоминавшей многоцветный ковер. Наверное, это тоже продолжалось довольно долго.

Мои занятия прервал тот же мужчина, сказав, что музей закрывается. Я выразил сожаление по этому поводу, и служителю музея это, видимо, понравилось. Возможно, ему и самому было скучно провести целый день в одиночестве, и мы разговорились. Я подождал, пока мой собеседник закроет обе двери, мы вышли на улицу, продолжая разговаривать, и он неожиданно пригласил меня к себе домой.

Так началось мое знакомство с Валентином Ивановичем Вьюшиным, который числился тогда смотрителем музея в Феррапон-

тове, но одновременно выполнял обязанности сторожа, кассира, а иногда даже и экскурсовода. Помогала ему тогда только жена Анастасия Ивановна.

Две недели провел я тогда в Ферапонтове, и с Валентином Ивановичем мы виделись ежедневно. Иногда я просил у него лодку и уезжал порыбачить на Бородавском озере.

На следующий год, опять осенью, я приехал в Ферапонтово с женой, и мы с Вьжиными, можно сказать, подружились семьями. Нам с женой, намерзшимся за день, было всегда приятно посидеть вечером у Вьжиных, попить парного молока или чайку с медом, мы с интересом слушали рассказы Валентина Ивановича о довоенном времени, о коллективизации, о фронтовой жизни. Анастасия Ивановна, когда была свободна от забот по хозяйству, тоже могла порассказать многое. До войны она участвовала в художественной самодеятельности, их народный театр (как его, наверное, называли бы сегодня) объездил со спектаклями почти всю область. Любила она вспоминать и свою скромную свадьбу, а однажды даже спела свои свадебные причитания, совершенно меня поразившие. Я впервые вочию ощутил, насколько близка к нам седая древность, — вот оно, последнее поколение, сохранившее в свадебном обряде многое из того, что украшало его у наших далеких предков.

В этот наш приезд у Вьжиных бывали и другие гости, по большей части ленинградцы и москвичи. За столом места хватало всем, разговор часто становился общим, и не раз нам доводилось слышать историю о том, как Валентин Иванович спас фрески Дионисия от неминуемой гибели.

История эта широко известна, поэтому я напомню лишь самую суть. В пятьдесят втором году было решено превратить Рождественский собор в зернохранилище. Но когда возы с зерном, сопровождаемые бабами с граблями и лопатами в руках, подошли к воротам монастыря, перед толпой встал Валентин Иванович с заряженной двустволкой в руках. По счастливой случайности тот, кто побежал жаловаться на его самоуправство, попал на человека, слышавшего, будто роспись собора представляет собой большую ценность.

Вьжин при мне никогда не прибавлял к рассказам других об этом событии ни слова и лишь однажды как-то тихо произнес:

— Ведь это было в пятьдесят втором году. Представляете, как бы мог пострадать человек, которого обвиняли в срыве хлебозаготовок?...

Сам он тогда хорошо понимал грозившую ему опасность, но ничто не могло помешать ему выполнить свой долг до конца.

Помню, по возвращении в Москву я рассказал об этом подвиге простого человека, сделавшего для спасения величайшего памятника культуры больше, чем самые прославленные ученые-искусствоведы. Если — говорил я — в годы минувшей войны многие воины получили памятные медали за оборону Москвы, Одессы, Севастополя и других городов-героев, то в наши дни подвиг Вышина заслуживает того, чтобы учредить, отлить в единственном экземпляре и вручить ему медаль "За оборону Феропонтова". Знакомый художник-прикладник загорелся был этой идеей, горячо обещал такую медаль изготовить. Но ведь у каждого из нас своих дел невпроворот...

Больше всего Валентина Ивановича отличали верность долгу и неукоснительное исполнение возложенных на него обязанностей. Не раз случалось ему, инвалиду войны, вставать среди ночи и одному идти на территорию музея, чтобы укротить подгулявшую и шумевшую компанию туристов. Одно время сохранности фресок стали угрожать взрывы льда на реке Иткле и прилегающих озерах, практиковавшиеся весной и осенью для продления периода лесосплава. Взрывы бывали подчас такими сильными, что в синах домов возле музея дребезжали, а то и вылетали стекла. Надо ли доказывать, что сохранности фресок все это не способствовало? Вышин поднял тогда на ноги буквально всех, кто бывал в Феропонтове и мог написать письмо протеста или как-то иначе повлиять на ход дела. Не знаю, правда, наши ли письма помогли или весь лес на делянках зырубили, но через несколько лет взрывы прекратились.

И еще одну особенность Валентина Ивановича хочется напомнить. Мы сейчас говорим о необходимости воспитания в каждом труженике чувства хозяина производства, хозяина страны. А Вышина не надо было воспитывать, он был прирожденным хозяином. В доме у него всегда был порядок, в саду он в числе немногих тогда феропонтовцев держал пасеку, а баню по-белому, сооруженную Валентином Ивановичем, — помнят, наверное, все бывавшие

у него. Я знал москвичей, которые специально приезжали в Феррапонтово на выходные дни, чтобы полюбозаться фресками Дионисия и заодно попариться в такой чудной баньке.

Одно время Валентину Ивановичу было поручено смотреть и за другим памятником архитектуры: Ильинской церковью у Цыпиной горы. Он, бывая у своего нового детища, огорчался, что в прилегающем озере нет рыбы. И вот этот уже далеко не молодой человек на протезе ловил мальков в Феррапонтове и переносил их в новый водоем за несколько километров.

Валентин Иванович был отзывчивым отцом и нежным, любящим дедом. Его знали и любили поклонники искусства Дионисия во многих городах и районах страны.

В прошлом веке Н.С.Лесков создал цикл прекрасных произведений о русских подвижниках — "маленьких великих людях". Валентин Иванович Вяткин принадлежал к тем простым русским людям, которые и в наши дни продолжают астафету служения народу и отечественной культуре.

4.П.1987

Б.Т.Сизов
(Москва)

ХРАНИТЕЛЬ ФЕРАПОНТОВА

Валентин Иванович Вьшкин умер 19 февраля 1981 года. Через три дня его хоронили на Ферапонтовском кладбище. Десятки людей шли за грузовиком с гробом по расчищенной трактором дороге. Родственники, односельчане, друзья и знакомые из Вологды, Ленинграда, Москвы.

Люди разных занятий и разной степени близости к Валентину Ивановичу прощались с ним в холодный февральский день. Разные слова говорили и над могилой. Но во всех официальных и неофициальных было одно: огромная потеря. Для родных, друзей и Ферапонтова с его монастырем. Нет нужды пересказывать, напомним только содержание двух речей:

— Валентин Иванович не был членом партии, но прожил всю жизнь как коммунист.

— Валентин Иванович не ходил в церковь, но то, как он жил, позволяет нам думать, что он был верующим человеком.

Оба говоривших долгие годы знали Вьшкина, и нет причины сомневаться в их искренности. Тем не менее — совершенно разные точки зрения. Так, уже на похоронах возникли попытки оформить память о Валентине Ивановиче простыми словесными определениями.

Сейчас слова "Дяонисий", "Ферапонтово" стали известны многим, связанное с ними представляет для нас великую ценность. Одновременно они приобрели и "модный" оттенок. Эта временная "мода" частично коснулась и Валентина Ивановича, создавая другие варианты памяти о нем: памяти об имени, а не о человеке, не о том, кому это имя принадлежит.

Прошло шесть лет после смерти Валентина Ивановича. Недолгий срок по сравнению с временем существования монастыря и фресок Дяонисия. Тем более важно собрать воспоминания о Вью-

шине, пока они не обросли домыслами и не превратились в легенды.

Он наш современник. Хочется, однако, понять жизнь Валентина Ивановича в ряду других людей, сохранивших для нас Ферапонтов монастырь, усилиями которых начиная с конца XIX века он в буквальном смысле слова спасен для будущих поколений. Местный уроженец И.И.Бриллиантов публикацией своей книги о Ферапонтове в 1899 году привлек внимание общественности к забытому в то время древнему монастырю, а спустя некоторое время В.Т.Георгиевский открыл здесь фрески гениального художника Дионисия: изданная им в 1911 году книга о Дионисии ("Фрески Ферапонтова монастыря") произвела впечатление настоящей сенсации. Тогда же П.П.Покрышкин и К.К.Романов провели обследование архитектурных памятников Ферапонтова и опубликовали свои наблюдения в академической печати; они же начали реставрационные работы. Первоначально отпущенных средств на реставрацию оказалось мало, и А.Д.Оболенский, который организовал Комитет по восстановлению монастыря, сумел собрать недостающие средства по всероссийской подписке. Реставрационные работы были возобновлены К.К.Романовым и А.Г.Вальтером, а в советское время они были продолжены ленинградским архитектором В.В.Давыловым. Затем своими выступлениями в печати А.В.Щусев приостановил замену четырехскатного покрытия собора позакомарным, что, безусловно, спасло фрески от гибели в последующие тяжелые годы, когда единственным хранителем монастыря оставалась претарелая бывшая местная монахиня Л.К.Легатова. Многое для сохранения и изучения фресок Дионисия сделал И.Э.Грабарь, неоднократно посещавший Ферапонтово. Благодаря его усилиям в 1931 году в музее впервые была введена должность смотрителя. В 1920—30-х годах ферапонтовские фрески привлекли внимание художника Н.М.Чернышева, издавшего о них в 1954 году книгу, которая способствовала новой известности замечательного памятника русской культуры. Наконец, вологодский областной инспектор по охране памятников А.К.Вёдров приложил немало сил для поддержания и сохранения памятников Ферапонтова в нелегкие военные и послевоенные годы. Вместе с ним и начал работать здесь Валентин Иванович Вьюшин и оставался на этом посту около тридцати лет. Что это — счастливая цепь случайностей?

Валентин Иванович родился 30 июля 1922 года в деревне Леушкино Кирилловского уезда Череповецкого округа, расположенной примерно в трех километрах от Феропонтова. Дед, крестьянин из той же деревни, зимой сапожничал, и от него Валентин Иванович еще в детстве научился этому ремеслу. Отец, Иван Федорович, окончил церковно-приходскую школу, в войну был председателем местного Райпотребсоюза.

Семья Выжниных кроме отца и матери, Анны Федоровны (в девичестве тоже Выжнина), насчитывала семерых детей: шесть братьев и сестра. Валентин был третьим сыном. "Вообще-то мы Лебедевы, — рассказывает старший брат Сергей Иванович. — У отца даже похвальный лист на Лебедева, а в гражданскую войну получился Выжнин. Дело было так. Отец пришел с войны, ему выписали военный билет на Выжнина: писарь ошибся, потому что в деревне много Выжниных. А когда отец через два года спохватился, ему сказали: меняй фамилию. Так мы и стали Выжнины (вышка, по-местному, чайка)".

Обычным образом проходило детство Вали. Помощь взрослым по хозяйству. Игры, принятые тогда в деревне: ружь, цыба (городки), сало, лапта. На Пасху посреди деревни делали громадную качель, при которой днем собирались дети, а вечером молодежь. Восьми лет пошел в Цыпинскую начальную (четырёхклассную) школу.

Дом, где размещалась школа, теперь перевезен в Феропонтово, и его занимает правление совхоза "Родина". Само село Цыпино вблизи Ильинского озера не сохранилось. Очевидно, к этому времени относятся детские воспоминания Валентина Ивановича, как он мальчишкой приносил "землянку" (землянику) Грабарю, который со спутниками жил в Феропонтове и ночевал на паперти церкви Мартинаана. Почти ежедневно приходилось Вале с товарищами ходить по живописной дороге из Леушкина в Цыпино. Видеть каменную церковь рядом со школой, остатки парка Бриллиантовской усадьбы. Затем Феропонтово: Валя перешел в семилетнюю школу, размещавшуюся в деревянном доме в северной части монастыря.

Припоминая детство, Валентин Иванович никогда не выделял Цыпинский погост или Феропонтов монастырь как нечто особенное, отдельное от остального окружающего его в то время. Для него и его товарищей они были такими же частями детского мира как

дом, школа, Ильинское озеро с рыбалкой; возможно, даже менее важными. Вышин всегда был удивительно честен и точен в своих воспоминаниях.

По окончании школы Валентин, как и многие другие его сверстники, стремился в "большой" город. В 1938 году поступил в Ленинградский техникум точной механики и оптики. Нелегко жилось в городе четырнадцатилетнему подростку. Одновременно с учебой приходилось подрабатывать: сохранилась справка от 9 октября 1940 года для работы по совместительству на обувной фабрике "Пролетарская победа" (ныне "Скороход"). Пригодились навыки в сапожном деле, полученные от деда.

Техникум закончить не удалось. Началась война. В сентябре 1941 года Вышин был призван в армию и попал в Архангельское военно-инженерное училище. После ускоренного, менее года, обучения выпущен лейтенантом и направлен на Калининский фронт. Месяц или два повоевал Валентин Иванович. 14 июня 1942 года под Великими Луками во время минометного обстрела, когда саперная рота, где служил Вышин, наводила очередную переправу, он был ранен в правую ногу. Валентин Иванович рассказывал: "Отглянулся перед тем, как потерять сознание, увидел родное Леушкино и синее ферапонтовское небо". Много позже, уже работая в монастыре, совместил Валентин Иванович, по его словам, виденное в момент ранения с голубцом на фресках Дионисия. Какая точность воспоминаний! А говорилось это в семидесятые годы, когда Вышин был очень "популярен" среди приезжих в Ферапонтово.

В результате ранения Валентину Ивановичу ампутировали в полевом госпитале правую ногу. После эвакуации в Челябинск — вторая операция и протез. Через шесть месяцев, в январе 1943 года, двадцатилетний лейтенант Вышин был комиссован и выписан из госпиталя. Труден был путь из Челябинска до дома. Особенно последняя его часть из Вологды в Леушкино: на протезе. За пять с небольшим лет Валентин Иванович прошел путь от подростка, студента техникума, до участника и инвалида войны. Сам Валентин Иванович мало говорил об этих годах, но до конца жизни гордился званием офицера. Все, связанное с армией, военной службой, всегда оставалось для него очень важным.

Тяжело было начинать "мирную" деревенскую жизнь молодому человеку, инвалиду с небольшой пенсией. Вышин стал работать

кладовщиком в колхозе "Колос", объединявшем три деревни: Леушкино, Оденьево, Загорье. Как офицер запаса по заданию райвоенкомата обучал будущих призванных. Вряд ли устраивала молодого человека работа кладовщиком. После войны, в 1946 году, снова поехал в Ленинград и поступил на ту же обувную фабрику — почищиком. Хотел закончить учебу в техникуме. Но не прижился Валентин Иванович в городе. В мае 1947 года он уволился с фабрики "по состоянию здоровья" и уже навсегда вернулся на родину.

Приехав домой, Валентин Иванович встретился с Анастасией Ивановной Почекиной из Загорья, с которой был знаком еще до войны. В начале 1948 года они поженились. Всю жизнь Анастасия Ивановна была верным и преданным помощником для Валентина Ивановича в его трудном и хлопотливом деле — сохранении Феропонтовского монастыря. Она и сейчас работает смотрителем в музее, одновременно сохраняя прекрасные традиции вяткинского дома, живую память о Валентине Ивановиче.

Анастасия Ивановна так вспоминает свою свадьбу: "Меня высилали, за рукой сидела два месяца. Валя приходил, потом родители договорились. В те времена многие уходили самоходкой, а я никак не согласилась. Как это без свадьбы? Первый день играли свадьбу у жениха, на второй — у невесты. Приехали на лошади дружка и шафер. Я причитала, плакала. Шафера не пускали, просили выкуп:

С тебя, дружка, — серебра кружка.

Ты князь молодой, дай хоть грош золотой.

Когда допустили шафера, стала причитать подружкам — отдавать волю. Потом шафер и дружка повели под руки, посадили в сани, повезли на регистрацию в Феропонтовский сельсовет. Там уж и жених ждал. Обратное поехали вместе в Леушкино. Встречали свекор со свекровью с иконой и хлебом-солью. Невеста дарила дары: свекору рубашку, свекрови — полотенце, вышитые перед свадьбой, и платок".

Молодые поселились в Леушкине, в доме, где родился Валентин Иванович, сохранившемся по сей день. С родней жили дружно. Анастасия Ивановна работала тогда заведующей слободским клубом в Феропонтове и, бывало, возвращалась поздно. Если ее не мог встретить Валентин Иванович, то обязательно приходил свекор или кто-то из братьев.

После рождения дочери Зины Анастасии Ивановне стало трудно ходить на работу за несколько километров, и она хотела уволиться. И тут произошла случайная встреча, перевернувшая жизнь Вышинных: заведующий отделом культуры в Кириллове Утышев предложил им переселиться в Ферапонтово, а для Валентина Ивановича — должность сторожа-уборщика при музее. Вышинны согласились. Несмотря на то, что быт в родительском доме налажен да и родители сначала возражали: учился, учился и вдруг — сторожем. Вероятно, молодой семье хотелось самостоятельности. Не будем доискиваться причин переезда. Так или иначе, это важное для Ферапонтова монастыря, для самого В.И. Вышина и всех нас событие случилось в декабре 1948 года. С этого времени "до конца, до тихого креста" жизнь Валентина Ивановича неразрывно связана с бывшим монастырем и фресками Дионисия. Около тридцати лет беспрерывно сохранял он памятники Ферапонтова за небольшую зарплату, а порой и совсем бесплатно. Был период, полтора года, когда должность сторожа при музее была упразднена. Понадобилось специальное распоряжение, чтобы возобновить ее.

"Для переезда хватило одной подводы, — вспоминает Анастасия Ивановна. — Два ведника, чугунок, стол-угловник, самовар медный вельерный да двухмесячная Зина".

Поселились в "келье" у Святых ворот. До шести месяцев с дочерью возился Валентин Иванович, потом нашли няньку на одиннадцать лет старше Зины. Стали обзаводиться хозяйством, помогала родня из Загорья и Леушкина. Через год купили корову, место ей определили в подклете, под папертью. В подклете Благовещенской церкви и в Сушиле хранили сено. Вскопали огород, поставили ульи. К разведению пчел, как и всему другому, Валентин Иванович отнесся серьезно: читал специальную литературу. Почти с начала ферапонтовской жизни была и лодка на Бородавском озере. Рыбу Валентин Иванович ловил даже зимой, уходил на озеро надолго. Анастасия Ивановна сердилась, грозила прятать протез.

Меньше чем через год пришлось выдержать первое наступление на монастырь. Осенью 1949 года сельсовет принял решение использовать помещения монастыря для хранения собранного урожая. Снова вспоминает Анастасия Ивановна: "В соборе, где фрески

Дионисия, должны были сушить картошку, потому что там не было деревянного пола, а в церкви Благовещения — зерно. Валентин Иванович не отдавал ключей от церквей, его поддерживал областной инспектор по охране памятников Андрей Константинович Вёдоров. Не один раз приходили, угрожали, были и из Госбезопасности. Говорили со мной, я плакала, просила Валу пожалеть нас, но он молчал, а ключи не отдал. Уходил, когда приезжали. Это было всю осень, потом отстали".

Так начиналась жизнь Вышинных в монастыре. Но с этого времени начался и новый период в жизни монастыря. В нем, после длительного перерыва, появился хозяин.

Конечно, существование монастыря не прекращалось совсем после его упразднения. Когда после революции монастырь в целом отошел в ведение Главнауки Наркомпроса РСФСР, две церкви, св. Мартина и Благовещения, административным отделом Череповецкого окружного исполкома были переданы общине верующих. В 1928 году одно деревянное здание монастыря было отдано под школу, а два других корпуса — в аренду организованной в Ферапонтове сельскохозяйственной коммуне. Охрана территории и всех помещений поручена арендаторам. Но с коммуной что-то не сложилось, и в ноябре 1929 года директор Кирилловского музея Е. Дьяконова сообщила в Череповецкий окружной музей: "...9 ноября в 6 часов вечера в стенах бывшего Ферапонтова монастыря начался пожар в бывшем монашеском корпусе, происшедший, по всей видимости, вследствие поджога. Здание монашеского корпуса сторело до основания". Да что говорить об охране целого ансамбля с фресками и иконами, если единственным человеком, приставленным здесь до появления Вышина, была Л.К. Легатова, которой в 1931 году, когда она была назначена на должность сторожа в Ферапонтове, было уже за шестьдесят.

Директор Ферапонтовской школы, находившейся тогда в монастыре, М.К. Кузьмичева, вспоминает о Л.К. Легатовой: "была строгая, следила за порядком, учителя ее побаивались, жила она в келье у церкви Благовещения". Но одно дело учителя, а как уследить за ребятишками, бегавшими днем по монастырской территории, или за молодежью, бегавшей в монастырь по ночам на свидания? Вероятно, ни те, ни другие не наносили явного ущерба зданиям и фрескам, но постепенно исчезало уважение к монастырю.

Это и естественно: для молодежи и тем более для детей уже не существовало религиозной значимости Ферапонтова, а новому осознанию его как памятника искусства взяться еще было неоткуда. Редкие наезды специалистов из "столики" открывали монастырь и фрески Дионисия лишь другим специалистам в тех же "столицах". А для местных жителей он становился все более привычной, из ряда вон совсем не выходящей частью села.

Сохранение от равнодушия, когда "от двух кирпичей из ограды и одной доски от забора монастыря не убудет", являлось постоянной и, вероятно, одной из самых хлопотливых задач сторожа. Проще "шугануть" заезжего любителя старины, который то и дело норовит что-нибудь прихватить на память: были, например, попытки отломать куски штукатурки с поздней, правда, живописью в проеме Святых ворот. Куда как сложнее с односельчанами, с которыми встречаешься ежедневно и во многом живешь общей жизнью. По словам Анастасии Ивановны, относились к Вышкиным враждебно — "чужеземцы". "Корову, бывало, не выгонишь. Лошадьми потравили пшеницу, ходила в правление, так даже ничего и не дали за постраву. А Вадя говорит: ничего, Настя, не помрем с голоду".

Большинству жителей Валентин Иванович был непонятен. Он прожил в Ферапонтове более тридцати лет и очень редко бывал у кого в доме. Потом многие справедливо скажут: "Валентин Иванович был человеком на своем месте". Тяжело давалось ему это "место". Он оказался как бы в изоляции в жизни села. И поэтому все еще нерастроченные силы и любовь обратились у него на семью и монастырь. С самого начала он стал действовать и ощущать себя в монастыре как хозяин. М.К.Кузьмичева рассказывает: "Приехал раненный. Следил хорошо, у него был порядок. Это была его жизнь. Не было других сотрудников, он справлялся. Ребята не побегут в неположенное место, если Валентин Иванович. Замечит что, разбираемся вместе: он знал все проказы ребят. И за территорией следили вместе, и он и школа, убирали все "под метлу" — листья, мусор. Двор был в образцовом порядке. Весной все церкви мыли Анастасия Ивановна и Зина, мыли с дресвой (не все теперь могут представить, что значит вымыть 500 кв.метров деревянных полов. — Б.С.). На 23 февраля в школе, в монастыре, всегда был парад. Дети начальных классов отдавали рапорт Валентину Ивановичу. Но в старшие классы он не хотел ходить... Это

было в пятидесяти—шестидесяти годы".

В это время возродилось прерванное войной посещение Ферапонтова специалистами и любителями древнерусского искусства. Останавливались они в школе или у Вьюжиных. Валентин Иванович беседовал с приезжающими, и именно тогда, по его словам, он понемногу стал точно понимать, что именно он сохраняет. Особенно выделял он свое общение с художником Н.М.Чернышевым. В семье сохранялась книга Н.М.Чернышева "Искусство фрески в Древней Руси", которую автор прислал в подарок Валентину Ивановичу, и тот читал ее неоднократно и очень внимательно. Приезжали "к Дионисию", а стало быть и к Валентину Ивановичу, кинооператор Н.С.Помельцов, художники А.П.Сазонов и Н.В.Гусев, архитектор С.С.Подъяпольский, поэт-переводчик А.М.Гелескул. В соборе пробовала голос Ирина Архипова — в то время студентка Архитектурного института. Вологодский писатель В.И.Белов и поэт Н.М.Рубцов дружили с В.И.Вьюжиным и бывали у него в гостях. Так складывался круг знакомых и друзей Валентина Ивановича. С удивительной быстротой впитывал он все сведения, получаемые от новых знакомых. Общался, словно изголодавшись, с удовольствием и вкусом. Его природный ум, юмор, доброта расцвели среди этих неслучайных людей, приезжавших в Ферапонтово за сотнями километров. Создавался совсем иной мир, и Валентин Иванович был его центром. Именно существование этого мира позволило позднее выкристаллизоваться из него "Музей фресок Дионисия".

Из-за наезда стольких людей в тихое прежде Ферапонтово случались и казусы. "За художниками следили сельсоветские, думали — шпионы, — рассказывает Анастасия Ивановна. — К нам и Витю Белова (московский художник, один из авторов памятника В.И.Вьюшину на Ферапонтовском кладбище. — Б.С.) приводили на опознание, ловили у Чарозера, думали, что заключенный. Валентин Иванович подтвердил, что это свой человек". В этих воспоминаниях трудно установить точные даты. Да и важны ли они? Так текла жизнь монастыря под "опекой" Вьюжина.

Назовем еще одно счастливое событие, теперь уже для семьи Вьюжиных. В 1958 году купили они в Леушкине дом, перевезли в Ферапонтово и поставили через дорогу от монастыря, напротив

Святых ворот. Трудно переоценить радость семьи, жившей долгие годы в каменной темной и тесной келье. "Прожили в келье десять лет, перешли в свой дом, первые ночи спать не могли, светло казалось", — говорит Анастасия Ивановна. Сам Вьшкин называл свой дом — "с круглыми углами". Обои в доме по углам наклеивались полукругом, с отступом от стены. Делалось это для того, чтобы зимой углы не промерзали до инея на обоях. Но было в этом выражении и другое значение: мягкость, доброта и гостеприимство дома. Со многими интересными людьми довелось мне здесь познакомиться. Дом сделался еще одним центром Ферапонтова для приезжающих: какое-то время было даже трудно и определить: является ли дом Вьшкиных "филиалом" монастыря или монастырь "филиалом" дома. Я живо представляю всю вереницу московских, ленинградских, вологодских и других знаменитостей, с которыми сидишь за одним столом (в ином месте к ним не подступишься!). Все оживлены, разговор уже идет "краями" — о своем с каждого края. Валентин Иванович больше молчит, но всем понятно, что он главная фигура за столом. После очередного за хозяев и Ферапонтово Валентин Иванович сообщает: "Сикстинскую Мадонну два солдата охраняли с оружием, а я, безоружный офицер, храню Дионисия..."

Время покоя, безотчетной радости и бесконечной благодарности Валентину Ивановичу за то, что так хорошо у них в доме. Что утром смотрел фрески Дионисия и завтра, после купания и молока, снова пойдешь в собор. Или сходишь на Ильинское озеро, вернешься с расспросами, Валентин Иванович будет обстоятельно отвечать, а Анастасия Ивановна — дополнять его, хлопоча у печи. Их совместные рассказы о прошлом и нынешних деревенских делах были настолько увлекательны и складны, что казались отрепетированными.

Однако жизнь не представляла собой "идиллическое" переживание искусства. Хотя сельсовет не пытался больше сушить в соборе картошку, ежедневные заботы оставались. Валентин Иванович был и сторож, и дворник, и экскурсовод, так сказать — полный хранитель. А у школьников и учителей — самые разные идеи. "Сколько повоевал папа, чтобы уроки физкультуры были не на территории монастыря, — вспоминает дочь Валентина Ивановича. — Как начнут за церковью Мартинаиана мячиком по стенам

бить..." Приезжавшие на практику студенты ходили ночами. С танцев все сразу отправлялись в монастырь, ограды тогда не было. И ночью и днем надо было быть начеку. "Тише, немцы в сарае", — говорил в таких случаях Вышин. К этому времени он уже профессионально чувствовал опасность и в нужный момент бывал на месте. Именно ночью произошло его знакомство с В.П. Гусаровым, руководителем одной студенческой практики. Часа в четыре утра студенты вместе с руководителем стали стучать по бочкам, кричать и всполошили всю слободу. Валентин Иванович побежал в монастырь, едва успев одеться. Результатом этой ночной встречи было, однако, то, что они подружились, и Вышин часто вспоминал потом "озорника" Гусарова.

Вышин был внимательным собеседником и хорошим рассказчиком: точным, остроумным, ироничным, иной раз язвительным. Но никогда равнодушным. Он ничего не скажет "просто так", что-бы "передать информацию". И в этом проявился его, казалось бы, неисчерпаемый интерес к окружающему. Обо всем он имел мнение и потому в разговоре невольно давал каждому событию или явлению оценку. Но не явную, а порой образную. Одного красиво-го и томного историка окрестил "люминалом", так и прилипло.

В начале шестидесятых годов в Кириллове и окрестностях московские киношники снимали приключенческий фильм. Вся съемочная группа, а в ней были и люди теперь весьма известные в кинематографе, приехала в Ферапонтово посмотреть Дионисия и отдохнуть. После того как группа "отдохнула" и отбыла в Кириллов, на месте пикника Валентин Иванович обнаружил портфель. Заглянув в него и выяснив, что тот набит деньгами, он усмехнулся и принес портфель домой. Утром появился трясущийся владелец портфеля. Валентин Иванович прервал его сбивчивую речь о двадцати тысячах и вернул пропажу.

Впервые я попал в Ферапонтово в 1966 году: с одноклассниками по Горному институту. Знакомился с Русским Севером. В августовский будний день кроме нас не было желающих посмотреть Ферапонтов монастырь. Тогда при входе в собор еще не висела убогая мраморная доска с пышной надписью: "Музей фресок Дионисия".

Некоторое время мы, несколько человек, приехавших из Ки-

рилла, бродили по монастырю, не имевшему нынешней глухой ограды, воспроизводящей вроде бы какой-то период его существования. С трех сторон, за исключением южной, где сохранилась кирпичная стена XIX века, территория монастыря была обозначена незаметным забором из штакетника и естественно переходила в поле, а с западной стороны не мешала видеть Бородавское озеро. Кто-то сходил за зрителем, жившим через дорогу. Мы ожидали у Святых ворот. Появился худощавый человек в пиджаке и в кепке, сдвинутой на лоб. Не спеша, заметно прихрамывая, он поднялся в горюшку перед монастырем. Отпер двери паперти и так же медленно, размеренно прихрамывая, поднялся к portalу, открыл тяжелую зеленую дверь в собор, впустил нас.

Ключ, которым Валентин Иванович открывал дверь собора, мне запомнился. Снимок с него начинает раздел, посвященный Ферапонтову, в хорошо изданном альбоме "Русский Север". Через некоторое время мы вышли на паперть к сидящему на деревянной скамье Валентину Ивановичу. Он молча свел нас вниз, закрыл деревянные ворота паперти. Именно свел, хотя и не принуждал к уходу из собора. Сейчас мне представляется, что Вьжшин был слегка насмешлив и спокоен. Спокойствие не было только личным. Это чувство, его "присутствие" сделало и нас спокойными на остаток этого дня да и на следующий день, когда мы обменивались впечатлениями.

Позже, уже в период знакомства, Валентин Иванович показал мне первое издание "Ианунов" В.И.Белова с надписью: "Дорогой Валентин Иванович, будь здоров и спокоен". Пожелание писателя было очень верным. Постоянная, в любое время суток, забота о монастыре, которую он мог разделить только с женой, многолетнее непонимание и неприятие его односельчанами исподволь подтачивали, казалось, неисчерпаемые жизненные силы этого всегда ровного в обращении человека.

В начале семидесятых годов по инициативе Н.П.Зворыкина и С.С.Подъяпольского были начаты наблюдения за температурно-влажностным режимом Рождественского собора, и я стал бывать в Ферапонтове постоянно. Останавливался обычно у Вьжшиных. Летом 1974 года с реставраторами жил в сенишке-сараяе, что стоял в северо-западной части монастырской ограды. Рано утром,

когда мы еще спали, Анастасия Ивановна ходила через монастырь доить корову, а на обратном пути оставляла у дверей сарая трехлитровую банку с парным молоком — наш завтрак. Более памятные зимние приезды. Видимо, потому, что я бывал тогда у Вьжшиных один. Хорошо представляю зимний солнечный день. Времени около часу, иначе говоря я приехал двенадцатичасовым автобусом из Кириллова. Ездили тогда по старой дороге. Перед Лещевым и Феррапонтовым при въезде в горюшку пассажиры вылезали и дружно толкали маленький автобус. В Феррапонтове остановка была перед магазином. Через речку виден дом Вьжшиных, справа — монастырь. Свернув с дороги, по узкой тропке подхожу к крыльцу. Валентин Иванович сидит на диване в передней части избы, у окна, в любимой позе: нога на ногу. В руках свежий номер "Красной звезды".

— Здорово, Борис Тимофеевич!

Сдерживая радость, коротко, соответственно "этикету", отвечаю:

— Здравствуйте, Валентин Иванович!

С Анастасией Ивановной целуемся. Перебираемся на кухню, к печи, закуриваем. Пьем крепкий чай. Неспешно начинает плестись кружево разговора о московских и ленинградских знакомых, о том, что корова скоро должна отелиться, а Барика съели волки. У ног трется неременная и всегда "музыкальная" плуська.

"Ну что, пошли в собор". Но если была необходимость, Валентин Иванович вел в собор сразу. Так, в один из зимних приездов он встретил меня словами: "Ой, Борис, в соборе несчастье". Оказалось, птицы разбили в барабане стекло и через дыру наметало порядочный сугроб. Кирилловские реставраторы не приезжали, а сам Валентин Иванович не мог поправить случившееся. Да и мне, здоровому человеку, было не подобраться к барабану по обледеневшей кровле. Вьжшин придумал выход. Мы принесли длинный шест, один его конец обмотали тряпками, так что получилась "булава" размером с разбитую часть окна. По высокой лестнице (с этой добротной лестницы Н.В.Гусев долгие годы делал свои замечательные копии дионисиевских фресок), стоявшей в соборе, я поднялся к барабану и тряпочным концом шеста заткнул отверстие в окне, а другой конец веревкой прикрепил к лестнице. Снег из собора тут же был вынесен, но Валентин Иванович не мог успокоиться до вечера и материал реставраторов. Операцию по заты-

канию дур ветошью семья Вышинных проделывала каждую осень.

Наступает ферапонтовский вечер, время ужина и воспомина-ний. Валентин Иванович приходит в хорошее настроение, шутит. Говорит, что ему нехватает сына, Володьки, и грозитя жене "наградить ее сыном". "Ой, лешой, отступилъ", — смеется Анастасия Ивановна. Постоянно говорили о дочери Зине, которая к тому времени вышла замуж и жила в Череповце. А сколько было радости, когда Зина приехала к родителям не только с мужем, но и с внучкой Машей. Теперь мне кажется, что днем, пока девочка спала, Валентин Иванович выходил чуть ли не к калитке, чтобы оберегать ее сон от громкоголосых туристов. На двери в доме, даже когда Маша уезжала, висел ремешок. Валентин Иванович называл его "учителем" и попутивал резвую внучку. Но уверен, что "учитель" ни разу не был использован по назначению.

По возрасту Валентин Иванович годился мне в отцы, что часто и проявлялось в наших отношениях. Терпеливо учил веслать-ся (грести) на лодке, когда при сильном ветре ставить или вынимаешь сети и мережи, где и когда лучше ловить рыбу на Бородавском озере. Как вкопать столб для калитки, чтобы он не расшатывался и не гнил. История со столбом мне запомнилась. У дома Вышинных одно время стоял сарай, где был склад магазина. Потом сарай сломали, и в заборе со стороны озера образовался провал. За работу мы взялись наутро после какого-то праздника, чтобы достичь скорейшего примирения с Анастасией Ивановной. Она ушла в монастырь, и мы хотели закончить к ее приходу с работы. Солнце начинало припекать и кобалось тяжело, с длительными перекурами. Кончали вкапывать первый столб. Я подцепил на лопату землю от завалинки бывшего сарая. Что-то звякнуло. Нагнувшись, мы обнаружили, что выкопали четвертинку. Этикетка сгнила, но пробка уцелела и внутри булькало.

— Видно, давно лежит.

— Наверное, выдохлась?

— Не может быть, чтобы выдохлась.

Оказалось, не выдохлась. Работа пошла споро, и к обеду отношения с Анастасией Ивановной были восстановлены.

В 1976 году Валентин Иванович вышел на пенсию, но все равно продолжал ежедневно приходить в музей, где к тому времени уже появился штат сотрудников во главе с М.С.Серебряковой,

которую Вьшин величал "игуменей". Уклад жизни в монастыре-музее переменялся, в чем-то был непонятен его многолетнему хранителю. Но он продолжал "опекать" монастырь, помогая иногда, в прямом смысле слова, "выжить" приехавшим из города сотрудникам.

В 1979 году дочь с мужем и внучкой уехали в длительную заграничную командировку. Воспоминания о них и ожидание возвращения сделались главным в доме Вьшинных. Нет, гостеприимство их не изменилось, даже когда Валентин Иванович стал прихварывать. Думаю, что одной из причин этой хвори была тоска по детям. Он говорил: "Вот Зинушка придет, она меня вылечит" (Зинаида Валентиновна по образованию медик). Однако сил дожидаться дочери уже не оставалось.

В октябре 1980 года мы последний раз ловили вместе рыбу. Было холодно. Ветер и брызги студили руки. Проверили сети около острова "Никон" — одни раки.

— Веслай, Борис, к острову, надо греться.

Вылезли из лодки, укрылись между валунами от ветра, развели костер.

— Я тебя сейчас, Борис, печеными раками угощу. Ел когда-нибудь?

— Даже не слышал.

Валентин Иванович разгреб угли и закопал, как картошку, несколько раков покрупней. Молча курил, поглядывая на озеро, на чаек. Потом выкатил обуглившихся красно-зеленых раков.

— Ешь.

— А Вы?

— А я в детстве наелся. Мы всегда раков пекли, когда из Леушкина ходили на Цыпино озеро рыбу ловить.

Вечером долго вспоминал Леушкино, детство, мать, которую называл "мама".

— Мама у меня на Цыпинском кладбище. Вы меня рядом с ней положите.

Пили чай. Уже тогда Валентин Иванович почти ничего не ел. Как бы сознательно помогал своей болезни.

Последний раз я видел Валентина Ивановича в январе 1981 года. Они вместе с Анастасией Ивановной приходили в дом, где живут музейные сотрудники. В огромном, тогда еще не разгоро-

женном, классе праздновали старый Новый год. Слушали песни Окуджавы и старинные романсы. Валентин Иванович попросил проводить его домой, так как опасался, что самому "не сойти". Дома, пытаюсь улыбнуться, вспомнил стихотворение Н.М.Рубцова: "Я умру в крещенские морозы..."

— А знаешь, Настя, не хороните меня рядом с мамой. Похороните на Ферапонтовском кладбище.

Потом я понял, что Валентин Иванович даже после смерти старался избавить родных от лишних хлопот: он представил, что значило бы провезти гроб по снегам за несколько километров от Ферапонтова.

Так ушел от нас Валентин Иванович Вьюшин, оставив как память по себе Ферапонтов монастырь с фресками Дионисия. Многие люди, впервые приезжающие в Ферапонтово, оказывается, уже что-то слышали о Валентине Ивановиче. О замечательном человеке, который в очень трудное время защищал и спасал собор и живопись Дионисия.

1987 г.

В.Н.Белов, А.А.Лашшинов, И.Я.Соколов
(Москва)

ПАМЯТИ ВЬЮШИНА

1

Камень лежал на пути к Ильинскому озеру, в конце березов аллеи, у Погоста. Лежал не дикий валун, а природой ограниченный камень. И мы, живущие в Оденъеве, столько раз проходили мимо этого камня по тропе в Фералонтово.

Рано утром собрались у камня, под березами. Пришли с лопатами и ломом. Беспокоились, что камень ушел глубоко в землю, но он просто лежал среди седых трав и можжевельника на корнях березы. Пришла Анастасия Ивановна Вьюшина, чтобы посмотреть на выбранный камень и сразу признала его: "Да это Валин камень! Он всегда отдыхал на нем, когда ходил на Ильинское озеро или на Погост к могилам родителей".

Камень, стало быть, оказался не случайным, а единственным. Погрузили его на трактор и двинулись на Гору, в Оденъеве. Хотел когда-нибудь Валентин Иванович добраться до Горы, да нога не позволяла. И вот теперь мимо Ильинского, мимо родных Загорья и Леушкина, в Оденъеве, где он бывал в молодости, везли камень для надгробия.

Еще не все примирились со смертью Вьюшина, еще не сошла боль утраты, и путь камня на Гору был похож на последний путь человека. Трактор-лесовоз медленно полз по дороге, и мы шли перед ним.

2

Теперь всё, что ни вспоминалось, всё было связано с его именем.

В далеком 1959 году появились мы первый раз в Фералонтове

Приехали, чтобы посмотреть Дионисия. Первое посещение монастыря началось беседой с Валентином Ивановичем. Потом, тихо разговаривая, шли в монастырь к собору Рождества Богородицы. Хромающий, тихий шаг его как-то сразу ускокаивал. Он подводил нас к portalу, провожал в храм и оставлял. Оставлял с Дионисием. Человек яркого темперамента, Валентин Иванович был тих в соборе и нетороплив к посетителям. Было ясно, что вот так, по-своему, без слов, он гордился Дионисием. И, казалось, нельзя было уйти из монастыря не побеседовав с Валентином Ивановичем на скамейке под березами, против портала.

С тех пор это были поездки к Валентину Ивановичу Вьюшину. Без него Ферапонтово не виделось. Пока он был жив, пока он был ясным свидетелем нашей молодости, нашей любви к его родным местам — всё казалось недалеко, недавно, и потому теперь так душевно необходимо было для нас сделать этот памятник.

3

И вот мы на Горе, в Оденьево. Камень лежал перед нами, похожий на часть большого кристалла, созданного природой и обколотого жизнью. Две грани уже были. На большей грани должно было появиться имя человека:

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ ВЬУШИН

При обработке камня сначала выявился глубокий серый цвет. Потом при шлифовке тон стал еще глубже и темнее, и открылась тонкая жилка красноватой породы, пересекающая весь камень. На полированную грань слова легли от края до края. Все буквы получились заглавными, а пространство между буквами снова были, вернув камню первоначальную поверхность. Работая над камнем, постоянно вспоминали Валентина Ивановича. И тогда глубина этого тона, и красная жилка, и то, что первые и последние буквы его имени легли на сколотые края — всё тогда казалось нам не случайным и помогало работать.

Теперь надо было обозначить причастность В.И. Вьюшина к Дионисию. Вспомнился его рассказ о тяжелейшем моменте участия в Великой Отечественной войне, когда он был тяжело ранен. Как где-то под Великими Луками, после боя, везли его в госпиталь в санях по морозу. Госпиталь находился в церкви. Валентин Иванович не надеялся выжить, но загадал, что если положат в Никольском приделе церкви, то выдержит.

Наверное с тех пор он и стал хранителем храма Рождества Богородицы и особенно чтит придел св.Никола. Это и решило наши поиски. Из придела Николая Чудотворца был взят рисунок полотенца с орнаментом и положен по низу камня.

Камень был готов, а памятника еще не было. Предстояли нелегкие и незнакомые нам работы на кладбище. В это время в нашу бригаду вошел А.И.Буров. Мальчик, которого мы знали просто как Толю в том же 1959 году, с которым дружили уже тогда, вдруг пришел к нам на помощь оттуда, из молодости, и как друг встал рядом. При его помощи и под его руководством всё было подготовлено к постановке камня.

4

В эти последние дни июня, как и тогда, в феврале, на похоронах, пошел крупный снег. Светлая примета на похоронах, она и сейчас сопутствовала событиям. Снег засыпал всё. Он покрыл поля, деревья и зеленые листья. Тот же трактор, с запеленутым камнем, шел обратно по забытой дороге, где ветки, кустарник и тонкие деревья склонило до земли. Всё было белым. Камень везли сквозь этот белый полог, снова мимо Леушкина, мимо Загорья, мимо Ильинского, мимо монастыря — на Ферапонтовское кладбище. Здесь всё было подготовлено, всё решено, пришла необходимая техника. И вот камень повис на тросах. Камень медленно опускается. Стоим четверо и руками помогаем его последнему движению. Камень стоит.

1987 г.

Ш

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ